

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Н. Ермакова, С. Штильман

Тогда взрослели рано

Наталия Васильевна Ермакова
Сергей Леонидович Штильман
Тогда выросли рано
Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73881332

Тогда выросли рано : повесть / Наталия Ермакова, Сергей

Штильман : Детская литература; Москва; 2026

ISBN 978-5-08-007694-7

Аннотация

Конец октября 1941 года. Москва в осадном положении.

Пятнадцатилетняя Надя Елисеева остается в Москве одна, а ее тринадцатилетний брат Пашка с мамой едут в теплушке за Урал, в село Юровка. Много трудностей и опасностей подстерегает их на долгом пути. Пашке предстоит научиться самостоятельно принимать решения, добиться уважения от ребят из детдома, которых эвакуировали в ту же Юровку.

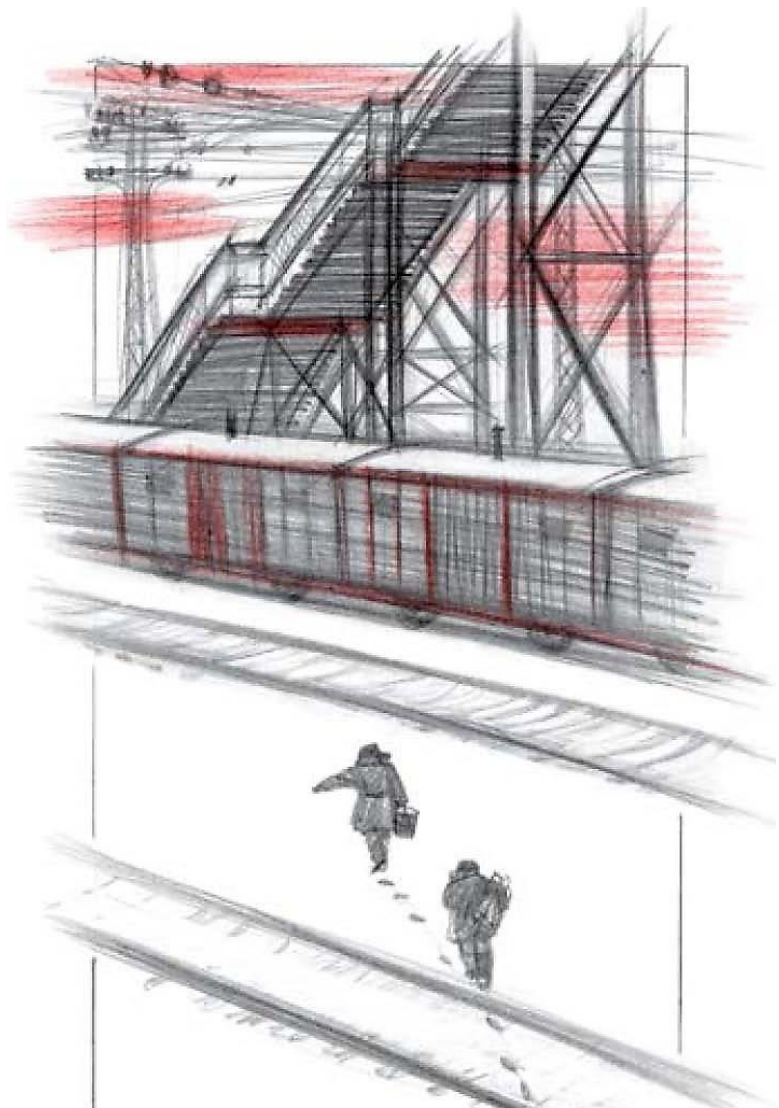
О том, как происходит его взросление, с какими трудностями приходится столкнуться подростку, о его первой влюбленности и о многом другом рассказывает эта книга.

«Тогда выросли рано» – вторая часть дилогии. О том, как жила Москва во время Великой Отечественной войны, читайте в первой книге Н. Ермаковой и С. Штильмана «А я останусь!».

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	10
Часть первая. Эвакуация. Дорога	14
Часть вторая. Первая зима. Хлеб из лебеды	78
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Наталья Ермакова,
Сергей Штильман
Тогда выросли рано**

© Ермакова Н. В., 2026

© Штильман С. Л., 2026

© Курбанова Н. М., иллюстрации, 2026

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство „Детская литература“», 2026

Мы признательны Александру Мальгину, щедро поделившемуся с нами архивными материалами об истории эвакуации в село Юровка Лебедянского детского дома и жизни в Зауралье в годы Великой Отечественной войны.

Благодарим Томилу Михайловну Ильенко, первого читателя этой повести, за благожелательную критику и полезные советы.

Авторы

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2026 году подведены итоги уже десятого Конкурса.

За эти годы на Конкурс поступило более 4000 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. Лауреатами стали 136 участников, издано более 85 книг с их работа-

ми.

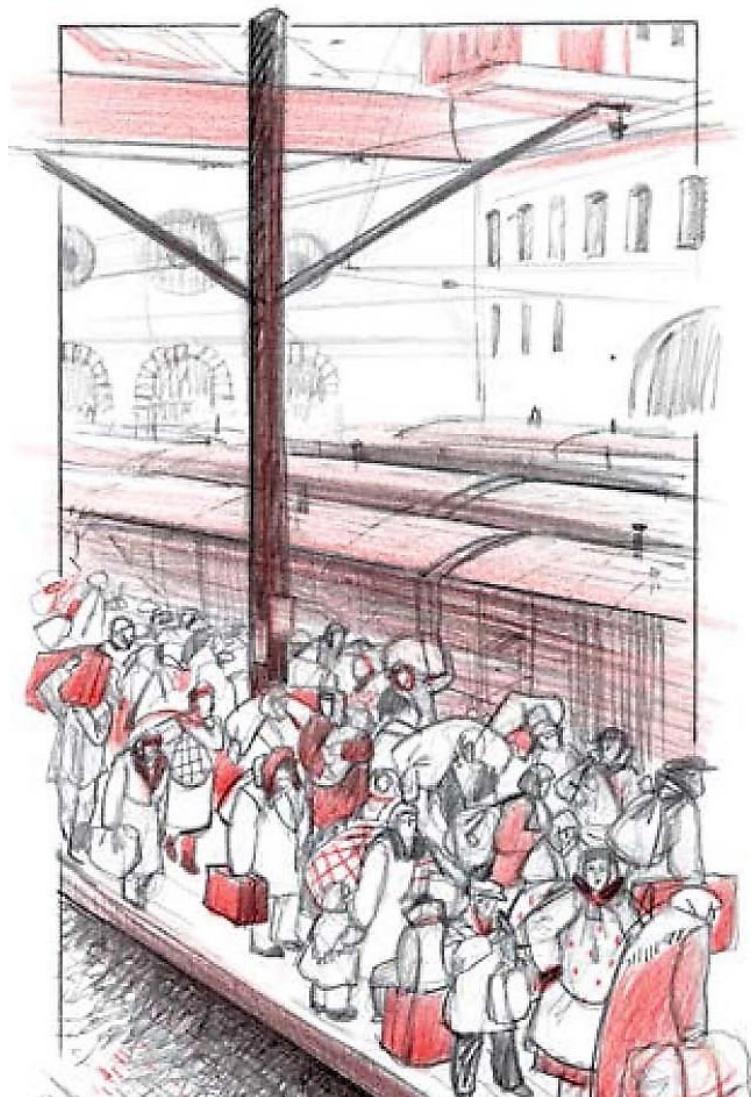
Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей, первая любовь и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

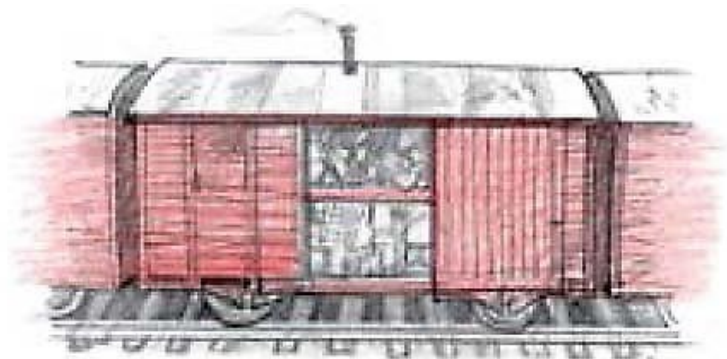
Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, педагоги, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации кни-

гоиздателей России «Лучшие книги года» (2014) в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию. В 2023 году серия книг вошла в пятерку номинантов новой «Национальной премии в области детской и подростковой литературы» в номинации «Лучший издательский проект».

Часть первая. Эвакуация. Дорога

*Тьма крадётся на бархатных лапах,
Сны тревожные сверлят висок...
Поезда – всё на запад, на запад,
Ну а этот идет на восток.
За душой ни гроша, ни полушки.
Что там дальше: эдем или ад?
Всё теплушки, теплушки, теплушки
И буржук удущливый чад.
На рассвете снимается табор,
Не бывает спокойствия впрок.
Танки, пушки – на запад, на запад,
А детей – на восток, на восток...¹*

¹ Здесь и далее автор стихотворных эпиграфов – Сергей Штильман.

Натягивать поверх двух байковых рубашек два свитера Пашке Елисееву было непросто. Но он, кряхтя и потея, всё же смог с этим справиться и стал похож на бочонок. Особой стройностью Пашка и так не отличался, а теперь, в этом своем наряде, и подавно.

Причина, почему он так вырядился, была проста: так мама велела. Впрочем, это было вполне разумно: и тепло, и меньше вещей в багаже на вокзал тащить.

Октябрь 1941 года выдался довольно холодным. В Москве уже несколько раз шел снег. Вот и сегодня, 23 октября, в городе чувствовалось приближение зимы.

Пашка смотрел на себя в зеркало в прихожей и хмурился. А после того как надел зимнее пальто, руки его перестали сгибаться.

Входная дверь распахнулась, в квартиру вошла старшая сестра Пашки – Надя. Она раскраснелась от быстрого бега по холоду. Бросила взгляд на брата:

– Тебя в таком виде на огород надо – ворон пугать!

– Лучше на себя посмотри! – буркнул Пашка, но пальто всё же снял.

В прихожую вышла мама, Елена Константиновна.

– Ну что? Попрощалась с папой? – спросила она дочь.

– Нет. Не догнала.

– Зато со своим Юркой ненаглядным повидалась! Молодец! – язвительно вставил Надин брат.

– Отстань! – Надя ушла в свою комнату, нарочито громко хлопнув дверью.

Юркой звали первого хулигана на Чистиках, Чистых прудах, и жил он в соседнем с Елисеевыми доме. Пашка никак не мог понять: и что сестра нашла в этом Юрке Панкратове?!

...Надо сказать, что идея всё бросить и ехать из Москвы за Урал, в село Юрówka, мальчишке не нравилась совсем. Но так решил перед уходом на фронт отец.

Да, конечно, летом в Зауралье, к родителям отца, они ездили почти каждый год. Там было здорово: лес, грибы и ягоды; овцы, куры. Река Крутишка, озёра, купание, рыбалка, друзья-приятели. Красота! А зимой – что там делать, спрашивается? Снежки солить?

...Сестра лежала на своей кровати в их с братом комнате, уткнувшись в подушку. Мальчишка посмотрел вокруг, и у него даже слезы на глаза навернулись. Уцелеет ли их дом? Будет ли куда возвращаться после эвакуации? Да и вернутся ли они сюда когда-нибудь?

Он вынул из ящика стола два небольших альбома для рисования, несколько чистых тетрадей (учебный год в школах Москвы в 1941 году так и не начался) и коробку простых карандашей; всё это сложил в вещмешок. С весны Пашка стал ходить в кружок рисования при Доме пионеров. Мальчишке

нравилось рисовать, да и учитель считал, что у него неплохо получается. Но тут началась война, и кружок закрыли.

Вспомнив об этом, Пашка вздохнул. Взял с этажерки «Остров сокровищ» Стивенсона – любимый свой роман, – полистал. Хорошо бы увезти его с собой! Но мама не разрешила: лишняя тяжесть. И всё же «Тимура и его команду» Аркадия Гайдара в свой вещмешок Пашка положил. Повесть вышла незадолго до войны, книжка была тоненькая, почти ничего не весила.

Бомбежки, которые начались в Москве 21 июля, продолжались вплоть до сегодняшнего дня. Сопровождались они воздушными тревогами по ночам, когда спросонья нужно было быстро одеваться и бежать по темным улицам в бомбоубежище. Пашку даже передернуло от этих воспоминаний.

Все же отец плохого не посоветует. Надо ехать в село, к дедушке Ивану и бабушке Глаше.

Еще вечером мама собрала продукты в дорогу. Насушила сухарей. Сварила картошку, достала несколько банок с консервами. Консервы берегли на черный день.

Вещей набралось прилично. Летом им обычно на всех хватало одного чемодана и вещмешка. А тут!.. Папа сказал: «Война скоро не закончится. Быстрой победы не получится. И бомбить Москву долго еще будут». Еще про бандитов сказал, которые по квартирам начнут ходить, людей грабить. Правда, к этому утверждению отца мальчишка отнесся скептически: а милиция-то на что?

...Пашка сам не заметил, как зачитался «Островом сокровищ». Просто утонул в нем: «Пиастры! Пиастры!» Отвлёкся только тогда, когда в комнату заглянула мама:

– Паша! Поезд ждать не будет!

Делать было нечего. Пришлось поставить любимую книгу на место и собираться дальше: складывать носки, майки и прочее в вещмешок.

– А ты чего разлеглась?! Хочешь, чтобы мы из-за тебя опоздали?! – гневно посмотрев на дочь, сказала Елена Константиновна и вышла из комнаты.

– Езжайте куда хотите, а я останусь! – Надя вскочила с кровати и вытряхнула вещи из своей сумки на кровать.

– Опять ты за свое! Вчера при папе талдычила: «Не поеду! Не поеду!» – Пашка очень похоже передразнил сестру. – Сегодня снова завела свою шарманку!

– Сказала – останусь, – топнула ногой Надя, – значит, останусь! Это мой город. Почему я должна из него куда-то уезжать?

– Ага! Так тебя одну здесь и оставили! Лишь бы показать свой характер!

Хотя Пашка спорил с сестрой, но в глубине души завидовал ее настойчивости. Сам же он считал, что родителей не переубедишь; поэтому проще и легче смириться и сделать то, что велят.

– А ты всё поддакиваешь! Маменькин сынок! – огрызнулась Надя. – Сиди и молчи в тряпочку! В двух свитерах...

Вот это презрительное «маменькин сынок» больно ужалило Пашку. Он хотел было ответить, но тут в комнату вернулась мама. После короткой, но шумной перепалки с ней Надя, смахивая слезы, все же начала увязывать в узел теплые вещи.

Наконец сборы были закончены. Присели на дорожку, взяли пожитки и поехали на Казанский вокзал. Чемодан и вещмешок нес Пашка, а узел – теплые вещи, увязанные в одеяло, – мама с Надей.

Еще в метро, на станции «Комсомольская», мальчишка обратил внимание на то, как много вокруг людей с узлами и чемоданами. Особенно это бросалось в глаза на эскалаторе, который двигался вверх. А на площади и перед зданием вокзала была уже настоящая давка. Пашка даже рот открыл от изумления.

Мама схватила его за руку:

– Паша, закрой рот, а то ворона влетит! И от меня чтобы ни на шаг! Понял?

Он кивнул. И правда, затолкают – найди ее тогда.

И вдруг, уже на платформе, Надя рванула в сторону:

– Юра!

Хорошо, Елена Константиновна вовремя успела схватить дочь за пальто – у мамы рука крепкая. А то ищи-свищи! Разумеется, это был не Юрка. Так, кто-то похожий на него, в такой же кепке. Дурацкой.

Тут как раз поезд подошел. И началось!..

2

Народ на платформе пришел в движение. И хотя к самому краю многие подходить боялись, несколько пассажиров из-за толкучки все же свалились на пути. Благо их вовремя успели вытащить.

Поезд подползал не торопясь, пыхтя и поскрипывая товарными вагонами-теплушками. Когда дверь вагона, около которого стояли Елисеевы, со скрежетом отъехала в сторону, поток людей хлынул внутрь. Пашка оказался в числе первых. Он, как и договаривались с мамой, сразу занял место на нарах в дальнем углу.

Тем временем мама и Надя с трудом втиснулись в теплушку. В сутолоке и суете они не сразу заметили, что их вещи, увязанные в одеяло, остались на платформе. А ведь именно они должны были согреть семью во время долгого пути, этим одеялом им предстояло укрываться. Как быть? Надя среагировала молниеносно: она прыгнула на платформу, подхватила узел и стала заталкивать его в дверь.

Но тут поезд неожиданно тронулся. Мама с трудом протиснулась к двери, крикнула:

– Надя, держись!

Девушка схватилась за край дверного проема, коснулась пальцами маминой руки – и неожиданно отпустила ее.

Поезд между тем начал набирать скорость. Надя бежала рядом с открытой дверью. Мама, встретившись с ней глазами, все поняла, закричала:

– Надя, не смей! Слышишь?!

То ли приказной тон ввел девушку в ступор, то ли решение ее не было спонтанным, но она внезапно остановилась, продолжая смотреть на проносящиеся мимо нее вагоны.

Елену Константиновну охватила паника. Первую мысль – спрыгнуть, пока не поздно, – она отогнала сразу же: в поезде остался Паша, без нее он пропадет в пути.

«Надя, Надя! Что ж ты со мной делаешь?!» – в отчаянии ломала она руки.

Пробиваясь в середину вагона в поисках сына, Елена споткнулась о тот самый злосчастный узел, за которым дочь спрыгнула на платформу: глаза ее еще не привыкли к полумраку, царящему в теплушке. В сердцах пнула вещи: «Да пропади они пропадом!»

А вот и Паша! Слава богу, на месте!

В вагоне стоял шум и гам. Человек тридцать пытались обустроиться в небольшом замкнутом пространстве. Пожилая баба, в телогрейке и в валенках, с орущим младенцем на

руках, кричала:

– Чей ребенок?

Елена Константиновна спросила:

– Не ваш?

Та замотала головой.

– Граждане, чей ребенок?!

Никто не отозвался.

– Куда ж мне его теперь? Его ж кормить надо! Ишь орет, старается. Синий уж весь! – причитала баба.

– Это мой братик! – раздался вдруг детский голосок. Бабу тербил за рукав мальчик лет шести с чемоданом в руке. Он заглянул в сверток: – Это братик мой, Валерик. А меня Васей звать.

– А где ваша мама? – оживилась старушка.

– Не знаю!

Елена еще раз обвела глазами вагон, крикнула, перекрывая шум и стук колес:

– Граждане, чьи это дети?

– Отстала их мать. Не успела сесть! – отозвалась одна из пассажирок. – Видела я ее с этими двумя мальцами на перроне.

– На-ка вот! – Баба сунула сверток с ребенком Елене Константиновне.

Та прижала к себе младенца. Она и представить себе не могла весь ужас матери, которая осталась там, на платформе Казанского вокзала.

– Что же мне с вами делать, ребятки?! – Елена посмотрела на Васю.

Тот пожал плечами:

– Я к маме хочу!

Валерик продолжал истошно кричать.

– Давайте я его покормлю. – К ним подошла женщина, которая ехала с двумя сыновьями: девятимесячным Славиком и тринадцатилетним Мишкой. – У меня молока много.

Елена бережно передала ей младенца, и тот с жадностью приник к груди... Васе дали кусок хлеба и картофелину.

– Вот что. – Елисеева уже приняла решение. – Нужно сообщить машинисту, чтобы высадили детей на ближайшей станции. Мать сама их найдет. Наверняка будет искать.

– Верно, пока далеко не уехали, нужно ссаживать, – поддерживали ее другие пассажиры.

* * *

Высадили Васю и Валерика на первом же полустанке. На платформе их встретил дежурный, который уже сообщил о потерявшихся мальчиках в ближайший детский дом.

3

Поезд набирал скорость. Мама с Пашкой устроились на

нарах, расстелили одеяло. Поели взятую из дома вареную картошку с солью и хлебом, запили водой из ведра, которое еще в Москве кто-то заботливо наполнил до краев.

Когда Пашка черпал кружкой воду, в ведро нырнула маленькая фарфоровая чашечка. Принадлежала она тоненькой, хрупкой, как эта чашечка, девочке с большими серыми глазами. На вид ей было лет двенадцать. Пашка улыбнулся. Девочка не обратила на него никакого внимания. Про себя Пашка стал называть ее Фарфоровой Девочкой.

Другие пассажиры тоже обустроились, как могли, и, перекусив, легли спать.

Правда, лежачих мест на всех не хватало. Договорились спать по очереди, по шесть часов. Один человек должен был постоянно дежурить у печки-буржуйки. Запаса дров должно было хватить примерно на двое суток. Но сохранять в вагоне тепло было крайне сложно: из щелей немилосердно дуло. Освещался он двумя железнодорожными свечными фонарями, которые крепились под потолком. От пола, на котором лежало сено, пахло конским навозом. Видимо, не так давно в этом вагоне перевозили лошадей.

Вечером поезд остановился: пропускали военный состав, идущий на запад, на фронт. Пассажиры теплушки начали оживленно переговариваться:

– Говорят, на станциях кипятки дают. Хорошо бы чайком погреться...

– А сколько стоять-то будем?

– Кто ж его знает? Может, час, а может, меньше.

Несколько человек спрыгнули на насыпь, припорошенную снегом: кто-то решил размяться, кто-то побежал к ближайшим кустам.

Пашка Елисеев схватил чайник и выскочил из вагона.

– Паша, стой! – крикнула мама, бросившись к двери, которую уже закрывали, чтобы не выпускать тепло.

Она выглянула в щель, однако сына и след простыл. Что делать?! Бежать за ним? Ждать здесь и помочь заскочить в вагон, если поезд тронется? Минуты для Елены растянулись в беспокойном ожидании. Вот наконец и Паша! Несколько человек протянули ему руки, помогли залезть в вагон, приняв чайник.

Почти сразу машинист дал гудок и состав тронулся. У Елены подкосились ноги. Она присела на чей-то узел.

– Вот молодец парень! Прямо герой! – слышалось со всех сторон.

А Пашка улыбался и разливал дымящийся кипяток в протянутые кружки.

И тут он увидел уже знакомую чашечку, которую держала Фарфоровая Девочка. Мальчишка аккуратно наполнил ее до краев. Девочка отошла, но продолжала с интересом смотреть на него, будто увидела впервые.

– Mam, ты чего? – Только сейчас Пашка заметил, что у матери глаза на мокром месте. – Подставляй кружку, а то

остынет.

Елена, однако, не разделяла восторга пассажиров по поводу геройства сына.

– Ты не думал, что поезд может тронуться в любой момент?.. – Ее голос дрожал. Она до сих пор не могла прийти в себя от поступка дочери, места себе не находила. А теперь еще и сын...

– Ну ма-ам... – протянул Пашка, оглядываясь на пассажиров.

– Что – мам? – Она с трудом сдерживалась. – Тебе сколько лет? Тринадцать? А если бы один на станции остался, что бы ты делал?! – Елена представила, что приедет на Урал одна – без дочери, которая осталась в Москве, и без сына, оставшего от поезда на каком-то безвестном полустанке. – Чтобы больше без спроса ни на шаг от меня! Ясно?!

Она взяла Пашку за плечи, заглянула ему в глаза. Тот отвел взгляд. Мальчишке было неловко перед другими пассажирами.

– Ты меня понял? Или еще раз повторить?

– Понял, – хмуро отозвался Пашка.

Он присел на корточки и стал завязывать шнурок на ботинке. К нему подсел Мишка, сын Татьяны, той самой женщины, которая в начале пути кормила грудью Валерика.

– Слышь, давай в другой раз вдвоем побежим. Я быстро бегаю. И бидон у меня есть, с ним удобнее: вода не расплескивается.

- Лады! – обрадовался Паша, искоса поглядывая на мать
– не слышит ли? – А вы куда едете?
– Пока сами толком не знаем. Куда привезут, там и слезем.
А вы?
– Мы до Далматова. А потом в село к деду и бабушке.
Юровка называется. Слыхал?
– Не. Это где ваще?
– За Свердловском², не доезжая до Челябинска. Зауралье.
– Везет вам!
– Это почему?
– Ну как же... К бабушке, к дедушке... Красота! Свой дом
небось, корова с курицами... А нас – куда поселят.
– Куры есть, овцы тоже, а коровы нет, – уточнил Пашка. –
Тебя как зовут?
– Мишкой Матвеевым. А ты – Пашка. Слышал, как мать
тебя звала.
– Ну, будем знакомы. – Они пожали друг другу руки.

4

Под стук колес спалось крепко. Утром Пашка проснулся от запаха гари.

Сначала он даже не понял, где находится. Мама сидела рядом, свесив ноги с нар, потирая виски пальцами. Несколько-

² 23 сентября 1991 года городу Свердловску было возвращено прежнее название – Екатеринбург.

ко пассажиров (среди них был и Мишка, который стоял на пустом перевернутом ведре) прильнули к окошку и обменялись впечатлениями от увиденного:

– Пять вагонов подчистую сгорели! Одни головешки...

– А рельсы, гляди! Рельсы-то как покорежило!

Пашка соскочил с нар и подошел к Мишке, дернул его за рукав:

– Дай глянуть.

– Щас! – Мишка спрыгнул с ведра, уступив место приятелю.

Пашка, конечно, видел в Москве разрушенные после бомбардировок дома, но это было относительно далеко от их двора. А тут! Соседние пути, по которым шли эшелоны, представляли собой жуткую картину. Их поезд двигался медленно – и Пашка смог всё хорошо разглядеть. Рельсы были погнуты и раскиданы вместе со шпалами, повсюду стояли догоравшие или полностью сгоревшие дымящиеся вагоны, зияли глубокие воронки. Лежали тела солдат, которые так и не доехали до линии фронта.

Подошла мама:

– Слезай, сынок.

Пашка нехотя спустился с ведра.

* * *

– Паш! – Мишка присел рядом. – А вы вообще где живе-

те?

– В Москве. Где ж еще? – Он наивно думал, что в поезде все пассажиры – москвичи.

– Как, в самой Москве? – засомневался Матвеев. – А не врешь?

– Зачем мне врать? – в свою очередь удивился Пашка.

– А ты Сталина видел?

– Видел.

– Где это ты мог его видеть? – Мишка, прищурившись, смотрел на приятеля. Был уверен, что вот тут-то он наверняка привирает.

– На первомайской демонстрации, – невозмутимо продолжил Елисеев, – когда с отцом мимо Мавзолея проходили.

– Какой он, Сталин? – продолжал допытываться Матвеев, но в голосе его уже не было ноток недоверия. Да и вид у Пашки был больно бесхитростный.

– Я его толком не разглядел. Далеко было.

– Счастливей!.. – вздохнул Мишка. – А мы в нашем Калинин³ никого не видели. Даже издали. А в Москве только вокзалы... и то на бегу...

– Ничего, – утешил его Пашка, – война закончится, увидишь.

– Когда она еще закончится. Твой-то отец на фронте?

Елисеев кивнул.

³ В 1990 году городу Калинин³ было возвращено историческое название – Тверь.

– И мой. Его еще в июле мобилизовали.

– Наш папа позавчера добровольцем ушел в народное ополчение.

– А наш уже три письма прислал. Треугольники⁴. Показать?

Мишка подошел к матери (она дремала, прижав к себе спящего Славика), что-то стал говорить ей.

– Вот еще выдумал! А потеряешь?

– Что я, маленький, что ли? Мам, ну дай! Я на минутку. Только другу покажу.

Татьяна вынула из-за пазухи три письма; сыну, однако, отдала лишь одно, которое было адресовано лично ему.

Мишка вернулся к приятелю. Тот бережно развернул треугольник и прочитал:

«Здравствуй, Михаил!

Во первых строках своего письма хочу сказать, что я жив-здоров, чего и вам желаю на долгие годы.

Хочу сообщить тебе, что я днем и ночью бил, бью и буду бить немецко-фашистских гадов, пока они не закончатся или не попросят пардону.

Учись хорошо, слушайся учителей. Помогай маме и не давай ее в обиду. Ты теперь в доме за старшего мужчину.

⁴ Письмо-треугольник (фронтовое письмо) – так называли письма, которые солдаты отправляли с фронта родным во время Великой Отечественной войны. Письма складывались треугольником, что не требовало конвертов, которые были в дефиците.

Еще хочу сказать, что фрицев мы обязательно побьем. Не сомневайся!

Пиши мне почаще.

Твой отец Владимир Матвеев».

Елисеев аккуратно сложил письмо, вернул его приятелю.

– Вот мы приедем к дедушке с бабушкой, а там, может, уже целых пять писем от отца. Он ведь в Юровку писать будет.

– Слушай, а у тебя есть бумага? – спросил Мишка. – Будет станция, брошу письмо в почтовый ящик. Я видел – они на станциях висят.

– Есть! Только, чур, бумагу зря не портить! – Пашка сходил за тетрадь. Один листок и карандаш протянул Мишке.

Тот пристроился писать на перевернутом ведре под свечным фонарем. От старания Мишка даже высунул язык, выводил каждую букву: сильно качало, да и видно было плохо. Особенно тщательно и разборчиво написал название войсковой части отца.

Наконец Мишка закончил письмо, сложил его треугольником и спрятал за пазуху, после чего вернулся к матери.

– Подержи Славика. – Татьяна расстелила чистую пеленку, потом взяла малыша, стала его переодевать. – Принеси-ка воды.

Мишка бросился к ведру.

А Пашка в это время достал свой альбом, простой карандаш и нарисовал то, что видел за окном: обгоревшие вагоны,

искореженные рельсы, разбросанные повсюду шпалы... Погибших красноармейцев он рисовать не стал.

5

Баба Дуня – та самая, которая в начале пути сбагрила Елене кричащего Валерика, – дежурила у печки, над которой сушились на веревке пеленки. За расходом дров следили тщательно. Нагревалась буржуйка быстро, но точно так же быстро и остывала. Чтобы тепло сохранялось, нужно было постоянно поддерживать в ней огонь.

Старушка запихнула в печку последнее полено и с грохотом закрыла дверку:

– Всё! Дров больше нет. Только щепки остались. – Она выпрямилась, отряхнула рукавицы.

– Говорят, на станциях дрова выдают, – проинформировал старик в ватнике и треухе. – А потом догоняют и еще добавляют.

Он чем-то напоминал Елене деда Щукаря из шолоховской «Поднятой целины»: чисто внешне – бородой и усами, да к тому же и побалагурить любил. Было ему под семьдесят. Невысокий, худощавый, жилистый. Держался бодрячком. За глаза и в глаза его называли в вагоне Дед.

– Когда она еще будет, эта станция! – печально вздохнула Марфа – женщина с грудным ребенком, – поплотнее укутывая его и прижимая к себе.

– Как только, так сразу, – успокоил ее Дед.

6

В теплушке между тем с каждой минутой становилось холоднее. Пассажиры начали утепляться. На детей накинули поверх пальтишек пуховые платки и шали. Татьяна, мама Мишки, достала валенки с галошами. Сначала надела сама, затем позвала переобуваться сына. Тот снял ботинки и с усилием просунул ногу в валенок.

– Мам, жмут!

– Неужели так нога выросла?! – Татьяна с трудом стянула валенок с ноги сына. Проверила, нет ли в нем чего – носка, например. Нет. Пусто. – Вот те раз! В том году нарочно на вырост покупала.

– Захотела баба купить обувку на вырост, а мальчонка за год взял да и вырос, – пошутил Дед.

Елена тоже достала валенки. Они были мягкие и очень удобные. Деревенские.

А Фарфоровая Девочка сидела на нарах с журналом «Вокруг света», постукивая ногой об ногу в своих модных ботиночках. В вагоне царил полумрак, к тому же сильно качало, поэтому оставалось только рассматривать картинки. Она натянула на уши берет и подняла воротник пальто.

– Девочка, – обратилась к ней Татьяна, – какой у тебя размер обуви?

– Тридцать четвертый. А что?

– На-ка, примерь. – Матвеева протянула ей валенки сына. – Надевай-надевай! Они ведь почти новые.

– Что вы, не надо! Мне совсем не холодно.

– Любочка, примерь! – привстала с лежанки Мария Степановна, ее бабушка. – Не обижай доброго человека. Тебе ведь от чистого сердца предлагают.

Люба взяла валенки.

– Спасибо! – Она встала, прошлась по теплушке. – Великоваты. Хлябают.

Татьяна очень расстроилась.

– А ты на два носка надень. – Бабушка достала из вещмешка шерстяную пару. – Так еще теплее будет.

– Вот теперь как раз впору. Спасибо вам! – Люба подошла к Татьяне и поцеловала ее в щеку.

– Носи на здоровье! – растроганно отозвалась та. – Слава богу,годились!

7

Поезд остановился только часов через пять после того, как все дрова в печке прогорели. И не рядом с вокзалом, а на третьем пути: первые два были заняты другими составами. Вагон к этому времени успел основательно выстудиться.

– Ну, молодежь, кто за дровами побежит? – бросил клич Дед.

– Щас стгоняем! – весело крикнул Мишка и махнул Пашке: – Айда! Заодно и письмо отправлю.

Елисей соскочил с нар.

– Паша, стоять! – Приказной тон матери так и пригвоздил мальчишку к месту. – Никуда ты не пойдешь! Хватит с меня вчерашнего!

– Мам, ты что? Холодно ведь! Замерзнем!

– Так и будешь теперь на каждой станции бегать, пока от поезда не отстанешь?

– Да мы быстро! Одна нога здесь, другая там. – Пашка посмотрел на приятеля, ожидая от него поддержки, но Мишка молчал.

– Одна нога здесь, а другая там – это если, пока лезете под вагонами, поезд тронется, – брякнул Дед.

Однако его черный юмор никто не оценил.

Елена побледнела:

– Ну и шуточки у вас, дедушка!

– А чего такого? Нам шутка строить и жить...

– Павел, я категорически запрещаю тебе идти! – оборвала Елена прибаутки Деда. – Слышишь?! Запрещаю! Мы не знаем, сколько времени будем стоять.

Мишка переминался с ноги на ногу у закрытой двери, боясь раньше времени напустить в вагон холод. Хотя и без того углы в теплушке заиндевели.

– Ну, есть кто смелый? – Матвеев обвел глазами пассажиров.

В их вагоне были в основном старики и старухи да несколько женщин с грудничками и маленькими детьми. Правда, ехали и молодые женщины, и несколько мальчишек шести – восьми лет. А еще один паренек, лет двенадцати, ростом чуть пониже Пашки, юркий, со странно бегающими глазами. Он ехал в эвакуацию с бабушкой.

Та называла его Витькóм и часто «угощала» подзатыльниками. Наверное, за дело. Витёк, если кто из пассажиров их теплушки доставал еду, обязательно начинал отираться рядом, выклянчивая то кусочек хлеба, то еще что-нибудь.

Никто из пассажиров не изъявлял желания бежать за дрoвами: отстать от поезда не хотелось никому.

– Витёк, а может, ты сгоняешь с Мишкой? – Дед пристально посмотрел на паренька.

– Не могу: я ногу подвернул.

– Миша, я с тобой! – вдруг отозвалась Фарфорова Девочка, надевая синие варежки с вышитыми на них белыми снежинками.

Она легко прыгнула на насыпь следом за Мишкой.

– Любочка! – ахнула ее бабушка и засеменила к двери. Она еле передвигала ноги, которые заметно отекли.

Пашка подбежал к двери, но никого не увидел: ребята уже подлезли под вагон соседнего поезда. Несколько человек вышли на улицу, каждый по своим делам, но далеко отходить не решались. А Елисеев стоял у двери как вкопанный. «Только бы они скорее вернулись! Только бы успели!» – как заклин-

вание, повторял он про себя.

Машинист дал гудок. Поезд дернулся. Пассажиры стали поспешно возвращаться в вагон. Мария Степановна запричитала.

Сделав несколько рывков, состав остановился.

Дверь решили не закрывать: в вагоне было почти так же холодно, как и на улице, – небольшой минус. Смотрели по сторонам, с напряжением ожидая возвращения добытчиков.

Наконец из-под вагона показался Мишка с охапкой дров. Кинул их на насыпь. Потом принял из рук Любочки несколько поленьев. Она вылезла следом, тяжело дыша от волнения и быстрого бега.

Пашка протянул Любе руку, но она ее будто и не заметила. Мишка посадил Фарфоровую Девочку в вагон, в объятия плачущей бабушки. Дрова побросали к печке другие пассажиры.

Елисеев подошел к Мишке:

– Извини, я не мог мать оставить. Моя сестра отстала от поезда. Вот мать и боится теперь...

– Всяко бывает. – Матвеев присел на нары рядом с Любой. – А ты молодец! – Он с одобрением посмотрел на девочку. – Не думал, что ты так быстро бегаешь.

– Я и сама не ожидала. Наверное, от испуга так припустила!

Их обступили пассажиры. Мишка стал рассказывать, как они добывали дрова:

– Народу там – не протолкнешься! Ну всё, думаю, не успеем. И вдруг тетка, что за порядком смотрела, увидела Любу и запричитала: «Девонька-то совсем замерзла. Синяя, как цыпленок. А худющая! Не дай бог, грохнется тут. Пропустите, граждане!» – Мишка очень похоже подражал тетке.

– «А ножки тоненькие, а жить так хочется!» – заржал Витёк, поглядывая на Любу, но никто на его глумливую фразочку внимания не обратил.

– Неужто пропустили? – всплеснула руками баба Дуня.

– Ага! А тут и я подбежал, кричу: «Давайте я помогу ей донести!»

– В засадном полку, значит, сидел. Ну прям стратег! Как есть Петька с Анкой-пулеметчицей из фильма «Чапаев»!

Все засмеялись. Люба покраснела: ей стало неловко – не любила она быть в центре внимания.

Поезд тем временем набирал ход...

8

Пашка сидел на полу на клочке сена и чувствовал себя таким несчастным, таким одиноким. Общаться с мамой ему совсем не хотелось. Мысли теснились в голове сплошь безрадостные, как низкие облака в пасмурный день: «Вот как теперь смотреть в глаза Фарфоровой Девочке?! А Мишка – тот вообще больше дружить со мной не станет. С трусами не дружат. Их презирают».

Отношения со сверстниками у Пашки и без того в последнее время не складывались. Он нес на своих плечах тяжкое бремя сына учительницы. Елена Константиновна преподавала в школе немецкий язык. Пашка учился там же. Какая уж тут дружба с одноклассниками! Только Пашка подходил к ребятам, как они сразу же замолкали, особенно если обсуждали какую-либо новость, или эпизод, случившийся на уроке, или какую-то проделку: а вдруг матери расскажет? Если в начальной школе мальчишка гордился тем, что его мама – учительница, то теперь – чем дальше, тем больше – тяготился этим.

Вот и сейчас он вроде бы только-только подружился с Мишкой – и нате вам, пожалуйста! – тот в его сторону уже смотреть не хочет. И Фарфоровая Девочка его, Пашку, словно не замечает. А ведь они еще даже не знают про маму-учительницу...

И тут к Пашке подсел Витёк.

– Что, не хотят с тобой разговаривать? – спросил он.

– А тебе-то какое дело?

– Так. – бегло взглянув на Елисеева, продолжил мальчишка. – Я просто подумал: плохо, когда не дружат.

– Плохо!

– А знаешь, почему?

– Ну?

– А потому, – Витёк как-то мерзко хохотнул, – что ты маменькин сынок – две сардельки вместо ног!

– Ну ты и гад! – Пашка замахнулся было на паршивца, но, взглянув на Мишку и Любу (Слышали ли они их разговор? Кажется, нет!), решил не затевать драку.

Витёк между тем, ощерив мелкие зубы и поглядывая на Елисеева через плечо, – видимо, боясь, что тот бросится на него со спины, – удалился в угол вагона, где сидел со своей бабушкой.

Пашке и так было тошно, а после этого разговора – хоть из вагона выпрыгивай!

А Елена, заметив состояние сына, подойти и заговорить с ним не решалась. Что тут скажешь? Она чувствовала себя виноватой. Но кто же мог предположить, что за дровами вместо Паши вызовется идти эта хрупкая девочка?

Елена понимала, что их долгий путь на Урал, конечно, не будет таким ровным и гладким, каким бывал до войны. Тогда время остановок и прибытия поездов к пункту назначения было расписано по минутам. Сейчас трудности и неожиданности подстерегали их на каждом километре. От всего не убережешься, всё не предусмотреть. Из поезда и ей, и Паше хочешь не хочешь – выходить придется. С этим надо смириться. Добывать дрова, воду и пищу необходимо. Но никто не отменял и главную задачу – довести сына живым и здоровым.

Надя... Надя осталась в Москве. И хотя их родной город давно перестал быть безопасным, все-таки она там дома, в своей квартире (Елена гнала от себя мысль о том, что немцы

могут войти в Москву). И совсем другое дело – отстать от поезда невесть где.

Елисеева, как и другие пассажиры, на каждой станции с тревогой прислушивалась к новостям о положении дел на фронте. Известия приходили неутешительные. Немцы рвались к столице. Голос диктора Юрия Левитана, который читал сводки Совинформбюро, знал каждый. Слова из рупора звучали безрадостные: «отступили», «оставили», «отошли».

С 18 по 27 октября немцы взяли Малоярославец, Можайск, Наро-Фоминск, Волоколамск...

Елена вспомнила о детях, которых ссадили с поезда в самом начале пути, и ей стало жутко: найдет ли их мать?!

9

Подошла очередь Деда топить печку. Он привычно – сразу видно, что не впервые, – отделил от березового полена бересту, положил сверху несколько щепочек и поджег. Когда они разгорелись, сунул в буржуйку пару поленьев. Огонь весело затрещал. К теплу тут же потянулись люди, протягивая к печурке озябшие руки.

– Видали, как топить надо! И дров немного положил, и тепло сразу пошло. Тут всё дело в сноровке.

– Правду говорят: сам себя не похвалишь – никто не похвалит! – подала голос баба Дуня. – А ты что, старый, на Урал-то решил податься? Немцев, что ли, испугался?

– А что их бояться, колбасников? – охотно поддержал разговор Дед, сидя около буржуйки. – Я с ними уже воевал.

– Это когда ж ты успел? – хохотнула баба Дуня.

– Как – когда? – удивился Дед. – В империалистическую! Насмотрелся на них, налюбовался. Бывало, сидишь в окопе, слушаешь, как они в своей яме по-ихнему, по-собачьи, разговаривают: «Гав-гав! Гав-гав!» Умора! Что с них взять? Фрицы они и есть фрицы.

Пассажиры засмеялись.

– А где ж твоя старуха? – не унималась баба Дуня. – Где ты ее оставил? Небось, к молодой решил податься?

Дед посерьезнел. Открыл дверцу печки, пошуровал там палкой.

– За хлебом я пошел, – глухо, серьезным, несвойственным ему тоном заговорил старик, глядя на пламя. – Карточки отоварить. А в наш дом в Мытищах бомба как раз и попала. Только воронка здоровенная вместо дома осталась.

Баба Дуня ойкнула, закрыв рот рукой.

– Теперь вот к родне в Свердловск еду. Одному и жить, и помирать тошно, – поставил точку в этой истории Дед.

А Пашка, чтобы отвлечься от невеселых мыслей о своем одиночестве, делал наброски в альбоме: нарисовал чашку Фарфоровой Девочки; Деда, сидящего на корточках перед буржуйкой... Он пытался рисовать и других пассажиров их вагона, но люди у него пока получались плохо. А вот Дед вышел очень даже похожим: то ли удачно падал на него свет

из печки, то ли еще почему. Мишка однажды заглянул в его альбом и цокнул языком: «А что! Похоже!» И Дед, которому в вагоне теплушки было дело до всего, одобрил Пашкины работы: «Красиво срисовано!»

К тому же это занятие помогало Елисееву хотя бы на время забыть о голоде, который терзал его, как и всех других пассажиров теплушки. Еды всегда не хватало.

...В вагоне постепенно налаживалась путевая жизнь.

Много забот и хлопот требовал каждый день путешествия на восток России.

Воду для технических нужд получали из растаявшего снега. Во время остановок его черпали там, где он был почище. Черпали ведрами, тазами, бидонами – всем, что было под рукой, что захватили с собой в дорогу. Порожня тара всегда стояла около двери, поскольку времени на раскачку обычно не было. Поезд часто останавливался, но через несколько минут, дав короткий гудок, снова трогался. Иногда стояли часами. Предугадать, сколько времени продлится стоянка, было невозможно.

Питьевую воду набирали из колонок на станциях. Там же можно было получить горячую еду. Выдавали ее строго по талонам. В каждом вагоне три-четыре пассажира собирали у всех талоны на питание, брали кастрюли-бидоны и бежали к зданию вокзала. Добытую еду делили на всех.

Пашка с Мишкой здорово сдружились, они часто бегали за водой, едой и дровами вместе.

Выходил из поезда и Витёк, но всегда в одиночку. Ни воды, ни дров он в вагон не приносил. На все вопросы, где его носит, мальчишка отшучивался:

– А может, у меня понос? Кормят здесь не поймешь чем!

– Ну уж извини! – отреагировал как-то на его заявление Дед. – У нас ведь тут не вагон-ресторан.

Елена немного успокоилась и постепенно смирилась с тем, что сын убегает с Мишкой.

За две недели из их вагона, к счастью, от поезда не отстал никто. Только однажды, когда состав тронулся, а до их теплушки бежать было еще далеко, Миша с Пашкой заскочили в ближайший к ним вагон. И хотя Елена видела, что ребятам помогли сесть в поезд, она до следующей станции места себе не находила. В тот день она поняла: по-другому не получится. И еще поверила: если мальчишки не успеют заскочить в свой вагон, им обязательно помогут забраться на ходу в другой – не оставят, не бросят. Ведь и они не раз в подобных случаях помогали пассажирам из других вагонов.

А к Любе Пашка так и не решался подойти. Ему было очень стыдно за те дрова, которые не он, а она принесла с Мишкой. Только издали Пашка посматривал на Фарфоровую Девочку. Заметил, с какой любовью она ухаживала за своей больной бабушкой, как возилась с малышами. Однажды засмотрелся на то, как Люба расчесывала свои густые русые волосы и заплетала их в косу. Вот только ни разу не видел, как она улыбается.

Через две недели пути, когда поезд прибыл в Казань, случилось радостное событие: впервые после отъезда из Москвы появилась возможность помыться – рядом со станцией была баня!

По цепочке, от вагона к вагону, передали информацию: «Стоянка поезда шесть часов!» На самом деле состав простоял все восемь.

За время, пока мылись, успели «прожарить» – продезинфицировать – верхнюю одежду. Тут же, в бане, женщины стирали белье. Чтобы дети, отмытые от дорожной пыли и грязи, не мешали взрослым, Елена и Пашка отвели их в вагон: Дед, который дежурил у буржуйки в этот день, по такому случаю жарко натопил печку: «Пусть народ погрееется-посушится после баньки. Ради такого дела дров не жалко!» Тем более что за долгую стоянку в Казани удалось запастись дровишками. Да и продуктами.

Елена усадила детей на нары и стала рассказывать им веселые истории про похождения Колобка и других сказочных героев. Люба тоже села рядом послушать. Она раскраснелась после бани. Ее волосы были распущены. Паша невольно залюбовался ею. Очень красивая девочка! Очень! И мальчишка загадал: если Люба улыбнется, он обязательно заговорит с ней.

Эх! Нет! Дети смеются, хохочут, а она... Ну прямо Царевна Несмеяна!

И тут Пашка заметил, что на левом валенке Любы нет галоши. А без галоши валенок быстро промокнет: в их вагоне пол вечно мокрый – от растаявшего снега, от разлитой воды. Так и заболеть недолго!

Пашка вскочил, осмотрелся. Нет галоши! Открыл дверь – и в это время поезд тронулся. После секундного размышления мальчишка выпрыгнул из вагона. Никто даже понять ничего не успел, все только ахнули.

Галошу Елисеев увидел почти сразу: она лежала в снегу на насыпи. Наверняка соскочила с валенка, когда Люба залезала в теплушку. Пашка, подобрав галошу, побежал вдоль поезда, который набирал ход. Елена протянула сыну руку, помогла вскочить в вагон.

– Павел, ты что творишь, а? Какая муха тебя укусила?!

Тот молча выбил снег из галоши и протянул ее Любе. Девочка удивленно посмотрела на Пашку, потом – на свои валенки:

– Ой, Паша! А я и не заметила. – Она надела галошу и улыбнулась: – Спасибо!

Он отвел глаза в сторону и тоже улыбнулся:

– Не за что, – и отошел от нее.

«Ну что же ты? Она ведь тебе улыбнулась. Заговори с ней!» – уговаривал сам себя Елисеев, но вместо этого достал альбом и карандаш.

И тут Люба сама подошла к нему:

– А что ты рисуешь? Можно посмотреть?

Пашка протянул ей альбом. Он очень волновался, ожидая ее реакции на свои рисунки. Люба с интересом стала их рассматривать.

– Я тогда не решилась выглянуть в окно, – сказала она, остановившись на наброске с изображением искореженных рельсов и сгоревших вагонов. – Но примерно так себе всё и представляла.

Девочка перевернула страницу.

– Дед у тебя хорошо получился. И печка.

Пашка улыбнулся:

– Вообще-то людей я пока рисовать не умею.

– Ой, а это моя чашка? И моя рука?

– Хотел и лицо нарисовать, но...

– А у тебя здесь вода прямо прозрачная! Паш, как ты смог воду нарисовать? Ее же не видно! – Люба подняла на него глаза: – Какой ты все-таки молодец. – Она еще раз пролиставла альбом. – А эти рисунки обязательно сохрани!

– Хочешь, я тебе подарю?

– Хочу! Вот этот. Можно?

Пашка аккуратно вырвал листок, где была изображена рука Фарфоровой Девочки с чашкой, которой она зачерпывает воду.

Весь вечер Паша с Любой разговаривали.

Она рассказывала о своих родителях. Те были хирургами, с самого начала войны отца и маму мобилизовали. Повела о том, как провожала родителей на фронт, как они вдвоем с бабушкой остались в Москве и в конце концов решили поехать на Урал, к маминой сестре.

Мальчишке тоже было что рассказать: об отце, о сестре, которая отстала от поезда. Люба внимательно слушала, сопереживала ему. И Пашке стало удивительно легко, светло и радостно на душе.

11

А ночью Любиной бабушке стало плохо. Она начала задыхаться. Лекарства, которые были с собой, не помогали. О случившемся пришлось сообщить машинисту поезда.

Рано утром на станцию Сарапул за ней приехали сани, запряженные приземистой лошадкой. Дед, Пашка и Мишка вынесли больную из вагона на носилках. Люба искала свои синие варежки. Не нашла:

– Потеряла, наверно...

Времени на сборы было слишком мало, пришлось выходить из вагона без варежек. Пашка тут же, не раздумывая, протянул Любе свои:

– Держи! На память! Еще теплые!

– А как же ты?

– Если что, руки в карманы суну!

Люба попрощалась со всеми. Мальчишки помогли ей снести вещи. Фарфоровая Девочка села в сани рядом с бабушкой, взяла ее за руку. Возница тронул поводья, и лошадь медленно, словно нехотя, повезла их куда-то вдаль, мимо здания вокзала. Мальчишки стояли на платформе и махали им вслед. Потом, опустив головы, направились к вагону.

Конечно, Пашке уже не раз приходилось расставаться с пассажирами: кто-то покидал теплушку, потому что уже приехал; кто-то пересаживался на другой поезд. На одной из станций сошла Марфа – женщина с маленьким ребенком. Он простудился в дороге и сильно, надрывно кашлял. Но расставание с этими людьми не оставило в душе Пашки особого следа. А вот без Любы в их вагоне стало как-то темнее. Он с горечью думал о том, что забыл оставить девочке свой адрес. Только когда телега скрылась из виду, опомнился: «Вот болван!» Но машинист уже дал гудок, ставший таким привычным за эти дни, и состав тронулся.

12

В вагоне в это время случилось происшествие, которое всколыхнуло всех пассажиров. Баба Дуня, перебрав несколько раз свое нехитрое имущество, запричитала:

– Мыло украли! – Она оглядывала соседей и, чем дальше,

тем больше, заходила в крике: – Что ж вы делаете, ироды? Последнее забираете! Да шток вам!.. – Бабка собиралась на ближайшей остановке обменять кусок хозяйственного мыла на хлеб.

– Постой, не кричи! – оборвал ее причитания Дед. – Подумай! Может, сама куда засунула? Чего на людей грешить? Передеремся еще. А нам еще ехать и ехать.

– Шас! Разбежался! – Она обвела всех ненавидящим взглядом. – У меня, окромя этого узла, ничего нет. Куда бы я могла мыло засунуть? Я намедни стала спичечные коробкí пересчитывать. В войну мыло и спички – первое дело. Считаю-считаю. Было десять. Точно помню. Осталось восемь. Думаю: выронила где. А оно воно что. Хорёк у нас завелся.

– Интересно девки пляшут... – произнес Дед нараспев, оглядывая пассажиров теплушки.

Баба Дуня задумалась на минуту и решительно заявила:

– Обыск надо сделать!

– Вы что, сдурели? – отозвалась на предложение старухи Мишкина мать. – Кто нам дал право обыски друг у друга проводить?

– А что, я должна этим куском мыла украденного умыться и двумя коробкам и спичек утереться? – Баба Дуня стояла посреди вагона – руки в боки.

А Пашка смотрел на нее и думал: хорошо бы нарисовать старуху в этой позе, с искаженным от гнева лицом.

– Вот что, граждане соседи, – предложил свой вариант ре-

шения проблемы Дед. – Обыск сделаем сегодня вечером, если никто не признается. А у кого найдем – вон из вагона!

13

Наступил вечер. Никто из пассажиров пропавшее мыло бабе Дуне не вернул. И Дед предложил каждому добровольно предъявить свой багаж. Кто-то пытался возражать, но – что поделаешь! – пришлось смириться: воришку необходимо было найти. Вывернули наизнанку свои нехитрые пожитки сам Дед, Матвеевы, другие пассажиры... Наконец дошла очередь до Елисеевых. Пашка спокойно взялся за вещмешок.

Когда мыло со стуком упало на доски, мальчишка сначала глазам своим не поверил. Стоял, смотрел на неожиданную находку, переводя взгляд со старухи на мать. Та была удивлена не меньше его.

Увидев пропажу, баба Дуня остервенела. Она схватила Пашку за шиворот и завизжала:

– Выкинуть его из вагона, ворюгу! Ишь чего удумал, паршивец! Старуху обокрасть!

Елена сначала онемела. Но довольно скоро обрела дар речи, оттолкнула бабу Дуню от сына и встала между ними:

– А зачем ему нужно было ваше мыло в свой мешок класть, если он знал, что сегодня вечером искать будут, и вываливать его перед всеми? Спрятал бы где-нибудь!

– Ты мне зубы не заговаривай! – Старуха пошла на Пашкину мать грудью. – Ишь, ученая, щенка своего защищает!

Елена, однако, была не робкого десятка. Долгие годы работы учителем и общение с великовозрастной шпаной, которой в школе всегда хватало, не прошли даром. И бабкину попытку отпихнуть ее плечом от Павла пресекла очень решительно:

– Вы мне не тыкайте, не толкайтесь и не хамите! Не мог мой сын ничего украсть! Подбросил ему кто-то это мыло.

Надеясь на сочувствие, она обвела глазами пассажиров. Но те не смотрели на нее.

– Вот что... – Дед вмешался в разговор женщин, который грозил перерасти в грандиозный скандал. – Мы тут не следователи и не прокуроры. Решили: у кого мыло найдем – высадим на ближайшей остановке. Так что собирайте свои ма-натки.

«Вроде бы люди интеллигентные, а ворюги», – донеслась до Елены реплика одной из пассажирок, произнесенная вполголоса, но услышанная всеми.

И хотя в теплушке было тесно, Елисеевы почувствовали, как вокруг них образовалась пустота, с ними никто не разговаривал. Ждали стоянки поезда, чтобы высадить их.

* * *

Пашка плакал в сознательном возрасте только один раз,

когда умерла канарейка, жившая у них дома. Он очень любил ее. Птичка клевала зерна прямо у него с руки. Дверцу клетки не закрывали, и она летала где хотела, садилась на шкаф, на подоконники. Когда мальчишка приходил из школы домой, устраивалась у него на плече.

В этот день Пашка заплакал второй раз. Он лежал ничком на нарах, и плечи его ходили ходуном. Плакал беззвучно, кусая до крови губы.

Елена понимала, насколько плохо сыну, сидела рядом и гладила его по голове:

– Паша, я знаю, что ты ничего не брал, но нам придется пересест в другой поезд. – А про себя подумала: «Когда еще будет этот поезд до Свердловска и сумеем ли мы в него сесть?»

Елисеевы не видели, как реагирует на Пашкины слезы Витёк. А тот наслаждался, глядя, как мучается Пашка, давясь мелким неслышным смехом. Но реакцию Витька заметил Мишка.

14

Утром следующего дня пассажиры теплушки проснулись от крика Мишки:

– Попался, гад!

Очнулся от дремы и Дед, сидевший на полене перед печкой и клевавший носом.

Матвеев железной хваткой держал за шиворот Витька, а тот, выпустив из рук банку тушенки, безуспешно пытался вырваться. Мишка поднял эту банку.

– На, подавись, сволочь! – Он совал банку визжащему и скулящему Витьку, а тот отпихивал ее от себя. – Жри, тебе говорят!

Дед схватил Мишку за руку:

– Полегче, парень! Чего размахался и орешь как резаный?

– Да вот, спер тушенку, гад, вон из той сумки! – Он кивнул в сторону. – А я его подкараулил.

– Подловили мы хорька. Оказался завларька! – в свойственном ему стиле прокомментировал ситуацию старик.

Кто-то из пассажиров не удержался – хохотнул: уж больно метко прищучил Витька.

Дед посмотрел на ворюгу:

– Как есть хорек! И зубы такие же мелкие и острые! И смотрит на мир как тот разбойник!

– Да ты чего, Дед? Это он сам, Мишка, мне тушенку подсунул! Жри, говорит, пока никто не видит! – начал приходить в себя Витёк.

Мишка опешил от такой наглости и выпустил из рук воротник воришки. Тот отряхнулся, пошел к своей бабке, уткнулся в ее душегрейку и тоненько заскулил по-собачьи.

– Чего вы к ребенку пристали?! – заголосила бабка. – Сиротку обижаете! Будете приставать к нему, я милицию позову!

– Ой, так это ж наша тушенка! – воскликнула молодая женщина, которая ехала с девочкой лет шести. Она лихорадочно перебирала вещи в своей сумке.

Дед отдал ей банку.

Мишка почти сразу понял, кто подставил Пашку с куском мыла, и стал выслеживать вора. Тот вышел на промысел ранним утром, убедившись, что все спят. Видимо, понадеялся, негодяй, что кражу снова можно будет свалить на Елисеева, которого к этому времени уже ссадят с поезда.

Мишка решил, что уж на этот раз он не даст Витьку выйти сухим из воды.

– А ну, вытряхивай свой мешок! – подскочил он к Витьку.

– Пошел отсюда! Ишь чего надумал! – закричала на Матвеева бабка.

Однако Мишкино предложение понравилось Деду. Он выхватил мешок из-за спины бабки и вывалил его содержимое на нары.

Сначала оттуда выпали два спичечных коробка, потом – самодельная солдатская зажигалка, сделанная из гильзы патрона крупнокалиберного пулемета, затем – черепаховый гребень, еще какая-то мелочь. И напоследок – варежки! Синие, с белыми снежинками. Любины!

Бабка осеклась, увидев все эти вещи.

– Ах ты гад! Какая же ты сволочь! – Пашка, для которого украденные Любины рукавички стали последней каплей,

бросился на Витька и повалил его на пол.

Тот не ожидал такого поворота: он считал Пашку размазней и хлюпиком. Мальчишки катались по полу теплушки, дубася друг друга. Наконец Пашка, с разбитым носом и ссадиной на щеке, сел на Витька верхом и ударил его по лицу. Тот перестал сопротивляться.

– Люба из-за тебя могла бы пальцы отморозить! – кричал ему в лицо Пашка.

– Паша, не марай руки об эту дрянь! – Елена оттащила сына от хнычущего Витька.

– Так, граждане, это чья зажигалка? – Дед поднял ее вверх, чтобы все видели.

Никто зажигалку своей не признал.

– Ясно! Значит, у кого-то из солдатиков подрезал. Так вот на какой он промысел на станциях таскался. Вот какой у него был «понос»!

Дед щелкнул зажигалкой – огонек сразу вспыхнул.

– Ишь ты! Смотри-ка, работает! – Поднял над головой гребень: – А это чье имущество? Гребешок ваш? – Он показал его бабке Витька.

Та мельком взглянула на вещицу, пожала плечами:

– Да вроде бы наш...

– Это мой гребешок! – отозвалась женщина лет сорока. – Муж на день рождения подарил перед самой войной. Я уже и похоронку на него получила. – Она всхлипнула. – Память о муже... Переживала, думала, что на платформе обронила.

А вон, оказывается, где он.

– Понятно! Значит, делаем полную конфискацию!

– Конфискацию, – поправила Деда Елена.

– Что совой об пень, что пнем об сову, – невозмутимо продолжал тот. – Всё, что нажито нечестным путем, отбираем!

Показав обитателям теплушки остальные вещи, явно Витьку не принадлежащие, и установив, что они тоже ворованные, Дед бросил под ноги мальчишке его изрядно похудевший вещмешок и подвел итоги происшедшего:

– И чтоб духу вашего сегодня же здесь не было! Ясно? И в другой вагон поезда даже не пробуйте сунуться. По вагонному телеграфу о вас сообщим.

– Ох! Люди добрые! – заголосила бабка Витька. – Пропадем мы. – Она отвесила внуку подзатыльник. Тот схватился за ушибленное место. – Сама его, паразита, накажу, чтоб впредь неповадно было. Выпорю так, что месяц на животе спать будет. Только не выгоняйте!

Она заглядывала в глаза своих спутников, но ни у кого не нашла сочувствия.

А Витёк забился в угол и злобно поглядывал на пассажиров.

15

– Знаешь, Паша, – остановив у сына кровь и промыв ссадины на его лице, сказала Елена, – только дикари выясняют

отношения с помощью кулаков.

Пашка сидел молча.

– Воспитанные люди должны уметь отстаивать свою правоту, не прибегая к насилию. А драться и орать во всю глотку – на это ума много не надо.

Сын продолжал молчать.

– Поэтому я очень надеюсь, что ты распустил руки в первый и в последний раз. Ты понял меня?

– Понял! – ответил Пашка. – Мало я надавал этому гаду. Надо было ему все зубы пересчитать.

Часа через два поезд остановился на каком-то полустанке. Дед распахнул дверь и сделал приглашающий жест: освобождайте помещение! Проходя мимо Пашки, Витёк сквозь зубы плюнул ему под ноги. А Мишка, выскочив на платформу, смотрел вслед Витьку и его бабушке до тех пор, пока они не скрылись из виду.

16

Эшелон продолжал свой путь на восток.

Через семь недель – бесконечно долгих, голодных и холодных – Елена Константиновна с сыном доехали из Москвы до Свердловска. Тут было уже около двадцати градусов мороза. Прибыли они утром 12 декабря. Отсюда уже и до Далматова – рукой подать. Только сначала нужно было дождаться-

ся поезда, в котором нашлось бы для них место: поезда шли переполненные.

Елисеевы со своими вещами покинули вагон. Пашка нес чемодан и вещмешок; Елена – остальное небогатое их имущество, увязанное в узел. Однако прошли они по платформе метров пятьдесят – не больше – и остановились: у рупора радиоприемника столпилось много народа. Как раз начали передавать ежедневную сводку Совинформбюро. Голос Юрия Левитана звучал торжественно, радостно – совсем не так, как в те дни, когда он объявлял об отступлении наших войск и оставленных городах:

«Внимание! Говорит Москва! В последний час!

Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы.

С шестнадцатого ноября тысяча девятьсот сорок первого года германские войска, развернув против Западного фронта тринадцать танковых, тридцать три пехотных и пять мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта выйти нам в тыл, окружить и занять Москву».

Люди слушали сводку с огромным вниманием, боясь пропустить хоть одно слово.

«Шестого декабря войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых

группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери.

После перехода в наступление, с шестого по десятое декабря, частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше четырехсот населенных пунктов.

Теперь уже несомненно, что хвастливый план окружения и взятия Москвы провалился с треском...»

Когда диктор произнес последнюю фразу, все, кто стоял у громкоговорителя, бросились обнимать друг друга. Кричали «ура». Какого-то военного подбрасывали вверх, кто-то не мог сдержать слезы.

Это была такая радость, такая победа! Первая огромная победа с начала войны.

После того как эмоции улеглись, Пашка задал маме неудобный вопрос:

– Мам, а зачем тогда мы сюда приехали? Надька-то, выходит, хитрее и умнее нас оказалась. Сидит себе сейчас в Москве и в ус не дует. Немцев-то тю-тю – погнали!

– Паша, ну что ты такое говоришь?! – после короткого замешательства ответила Елена. – Мы едем к нашим родным, к дедушке Ване и бабушке Глаше. Им сейчас очень трудно. Понимаешь, им нужна помощь!

Подошли Мишка Матвеев и его мать со Славиком на руках.

– Слышал? – спросил приятеля Пашка.

– Еще бы! Погоним теперь фрицев. – Мишка на мгновение замешкался. – Вот что, Пашка. Нам придется здесь попрощаться. Дальше не поедем. Мама сказала, пойдем в эвакопункт – узнаем, куда нас распределят.

Пашка сбросил с плеч вещмешок, достал тетрадку и, написав простым карандашом свой адрес в Юровке, протянул листок другу.

– Ну, бывай! – Мишка засунул листочек с адресом в карман.

– Удачи вам! Смотри адрес не потеряй! И пиши почаще!

– Напишу сразу, как устроимся, – пообещал Мишка.

Вышел из вагона и Дед. Он вынул из кармана ватника зажигалку, которую обнаружил при обыске у Витька.

– Держи на память. – Он протянул ее Пашке. – Пригодится. Вещь отличная. Бензин, правда, почти весь вышел, но это беда поправимая. Прости, что, не разобравшись, чуть из вагона тебя с матерью не ссадил. Вот бы делов наделал! – Он помолчал. – И молодец, что девоньке той свои варежки отдал, по-мужски поступил. А ее рукавички возьми! – Дед протянул Пашке Любины варежки. – Вдруг доведется с ней еще встретиться, отдашь. – Он пожал Пашке руку. – Не поминай меня лихом. – Напоследок махнул рукой и направился к зданию вокзала.

А Елисеевы остались стоять на платформе.

Там же, в Свердловске, произошел один случай, который Елена и Пашка запомнили навсегда.

Может быть, мальчишка тот поскользнулся на железнодорожной платформе, может, кто-то его случайно толкнул – все шли с баулами и чемоданами, – но только парень этот, лет десяти, упал на пути и сильно ударился. Ужас был в том, что к станции на всех парах приближался воинский эшелон, который, видимо, следовал через Свердловск без остановок. Народ ахнул. Люди в оцепенении смотрели то на парнишку, который никак не мог подняться на ноги, то на приближающийся состав.

Машинист эшелона ничего не мог сделать: остановить шедший на большой скорости, тяжело груженный танками и пушками состав было невозможно.

И тут на рельсы спрыгнул молоденький – лет двадцати – солдат. Рядовой. Спрыгнул, когда до поезда оставалось не больше двухсот метров, схватил мальчонку и буквально забросил на платформу, где его подхватили пассажиры и стали приводить в чувство.

Сам же солдат выбраться не успел. По тому месту, где он только что стоял, уже шли, грохоча, вагоны с военной техникой.

Все напряженно ждали.

А поезд шел невыносимо долго. Все шел и шел, и, казалось, не было ему конца.

Но вот прогрохотал последний вагон. Люди, толкаясь, бросились к краю платформы, стараясь разглядеть: что же там, внизу?

Солдат лежал ничком между рельсами, вжавшись в дорожную щебенку, и не шевелился. Крови видно не было. Два офицера – майор и лейтенант – прыгнули на железнодорожное полотно, перевернули солдата на спину. Глаза рядового были закрыты. Он не двигался. Майор расстегнул его шинель и приник к груди, пытаясь понять, бьется ли сердце.

– Живой!

Юношу приподняли; поддерживая, помогли сесть; стали растирать его лицо снегом, бить по щекам. Он медленно открыл глаза и удивленно огляделся.

Елена и Пашка не отрываясь смотрели на этого парня, который вот так, не раздумывая, бросился спасать незнакомо-го ему мальчишку.

– Ты молодец! А я вот не смог, – признался лейтенант, помогавший рядовому прийти в себя. – Смотрю на этого мальчонку, понимаю: нужно прыгнуть, иначе ему хана, – и не могу. Представляешь? Это ж верная смерть. Как же ты решился?

– Сдуру! – улыбнулся солдат.

– И всего лишь царапинами отделался! Ну ты везучий, парень. Не иначе – в рубашке родился! – засмеялся майор, хло-

пая рядового по плечу.

– Вообще-то я счастливый, – улыбнулся тот. – Тонул – спасли, с лошади упал – и то хоть бы что, только синяк на лоб посадил.

– Как же ты успел между рельсами лечь?

– Не помню. Ей-богу, не помню. – Солдат надел на голову шапку-ушанку, которую протянул ему майор, и как-то растерянно, по-детски улыбнулся.

Этого солдата Пашка вспоминал долгие годы. И много раз рисовал его лицо в веснушках, съехавшую набок шапку с красной звездой и наивную, мальчишескую улыбку.

Елисеев, как и тот лейтенант, признавался себе, что не смог бы пересилить страх и спрыгнуть на пути. Не хватило бы духу.

18

От Свердловска до Далматова в мирное время Елисеевы доезжали на пассажирском поезде за несколько часов. Расстояние между городами – около ста семидесяти километров. По российским меркам – пустык, когда поезда ходят по расписанию. Но в декабре 1941 года они ждали состав почти сутки. Все это время им пришлось жить в здании вокзала. Там яблоку негде было упасть от эвакуированных. Мать и сын ночевали прямо на полу, расстелив одеяло. Приходилось днем и ночью быть начеку, прислушиваясь к объявлениям

из охрипшего громкоговорителя. Пашка спал, положив голову на чемодан и крепко обхватив его руками: за время их краткого пребывания в Свердловске на вокзале обворовали нескольких пассажиров.

Там же Пашка написал письмо Фарфоровой Девочке. Адрес, правда, у него получился почти как у чеховского Ваньки Жукова – «на деревню дедушке»: «Сарапул. Больница. Любе». Фамилию девочки он не знал. Мальчишка особо не надеялся, что письмо дойдет. Но... Всякое бывает. Сарапул – все же не Москва, и больниц там, как ему казалось, не так уж много.

Вес чемодана Елисеевых за время пути значительно побавился: что-то из вещей удалось обменять на продукты во время остановок, что-то – продать. На вырученные деньги покупали еду.

Одеяло, которое захватили из дома, служило им всю дорогу верой и правдой. Без теплых вещей замерзли бы. Пашка не раз вспоминал добром Надю: не спрыгни она на платформу Казанского вокзала – им пришлось бы туго.

Но и после того, как удалось сесть в один из вагонов-теплушек поезда, следовавшего до Челябинска через Далматово, их мытарства не закончились. Последние часы, проведенные в товарном вагоне, показались им вечностью. К тому же в этой теплушке, все стены которой были покрыты инеем, не оказалось нар – и пришлось сидеть на полу, на тюке с одеждой, укрывшись одеялом. О холоде и говорить нечего!

Согреться было невозможно, изо рта валил густой пар.

Елене и Пашке, когда их дорога из Москвы в Зауралье закончилась, еще долго казалось, что под ногами все ходит ходуном. Так, наверное, матросам, сошедшим на берег после долгого плавания, кажется, что земля «раскачивается» под ногами, и поэтому ходят они вразвалочку.

19

Только через полтора дня после прибытия в Свердловск Елисеевы оказались в Далматове, в двадцати шести километрах от которого находилось село Юровка. Здесь было еще холоднее, чем в Свердловске.

Раньше доехать до Юровки можно было на попутной полуторке⁵. Иногда, получив телеграмму, их встречал Иван Иванович, Пашкин дед. Он приезжал в Далматово на лошади с телегой. Но то было до войны...

А сейчас Пашка остался с вещами на вокзале – там все же было относительно тепло, – а Елена пошла узнать, как им добраться до конечного пункта их нелегкой дороги.

Никакого транспорта рядом со станцией не было. Только один старик на привокзальной площади возился с хомутом, похлопывая по шее свою лошаденку.

⁵ Полуторка – ГАЗ-АА – советский грузовой автомобиль Горьковского автозавода грузоподъемностью 1,5 т (1500 кг).

Елена бросилась к вознице:

– До Юровки довезете?

– До Юровки? Не-е, мне в другую сторону.

– Я вас очень прошу... Я заплачу!

Проходившая мимо женщина остановилась, глядя в их сторону.

Старик сдвинул набок шапку-ушанку, почесал затылок:

– Сколько дашь?

– Десять рублей.

– Ха! Насмешила! Это мне из-за вас такой крюк всего за десять рублей?

– А сколько? – растерялась Елена.

– Двадцать пять! И помчимся с ветерком.

Елена стояла в нерешительности. У нее оставалось всего пятьдесят рублей. С пустыми руками приезжать к родителям мужа не хотелось. К тому же она чувствовала, что старик, пользуясь ситуацией, бессовестно заламывает цену.

Женщина, слышавшая их разговор, решила вмешаться:

– Слушай его больше! Гли-ко! Двадцать пять рублей, эвон куда загнул! Ты еще тыщу скажи, бессовестный! «Такой крюк.» – передразнила она старика. – Люди, видать, издалека приехали, а ты! Стыда у тебя нет, куркуль несчастный! – И повернулась к Елене: – Из Уксянки он. Тамо-ка живет. Ему как раз по пути с вами! Мимо Юровки по-любому ехать.

Женщина говорила очень быстро, не по-московски, вставляла в свою речь характерные для местного говора словечки. Елена, приезжая в Зауралье, всякий раз с удивлением вслушивалась в речь местных жителей. За год-два в Москве она успевала отвыкнуть от нее.

– Эх! Обломала ты мне всю малину! Пошто не в свое дело встряла?

Мужик сел боком в розвальни⁶, причмокнул, крикнул: «Но, милая!», хлопнул по крупу лошади вожжами, и та резво взяла с места.

– Что же мне теперь делать?.. – Елена совсем расстроилась. – Пешком нам по такому морозу, да еще с поклажей, до Юровка не дойти.

– Ой, да каво ты!⁷ Повезло тебе, девонька: иди-ка ты на ту стороны дороги. Тамо-ка подводы стоят. В Юровку едут.

– Неужели прямо в Юровку? – воодушевилась Елена.

– Беги попросись, пока не уехали-то. Небось не откажут, найдут для вас местечко-то.

Елена побежала, спотыкаясь о шпалы. Сани-розвальни и правда стояли по другую сторону железной дороги. Воспитательницы, в основном совсем молоденькие девушки, усаживали в сани закутанных детей. Кто-то из них был обут в

⁶ Рбзвальни – крестьянские низкие и широкие сани без сиденья, с расходящимися врозь от передка боками.

⁷ Ой, да каво ты! (*урал.*) – Не переживай!

валенки, кто-то – во что попало. Среди детдомовцев были и совсем маленькие ребятишки – лет двух-трех – и дети постарше – лет двенадцати – четырнадцати.

– Здравствуйте! – Елена подбежала к ближайшему вознице. – Вы в Юровку?

– Ну в Юровку, – неохотно отозвался тот.

– Возьмете еще двух пассажиров?

– Не положено, – сказал как отрезал возница. – Не видишь: детей везем?

– Понимаете, мы с сыном сами не сможем туда добраться. Никакой транспорт в это село не ходит.

– А вам что, в самую Юровку нужно? – К Елене подошла девушка, воспитательница детского дома.

– Да, там родители мужа живут. Мы из Москвы приехали.

– А мы из Лебедяни. Знаете?

Елена развела руками.

– Про Елец и Липецк что-нибудь слышали? Это недалеко от нас. Когда немцы на Лебедянь и Елец стали наступать, нас сразу же эвакуировали. Почти два месяца сюда добирались.

– И мы больше полутора... – Елена коснулась руки воспитательницы. – Девушка, возьмите нас с собой, пожалуйста. Я вас очень прошу.

Подошла женщина постарше. По ее командному тону и уверенной походке было понятно – начальство.

– А вам, собственно, чего? – Она смерила Елисееву испытующим взглядом.

– Да вот, Ирина Сергеевна, – поспешила ответить за Елену воспитательница, – просит подвезти. Говорит, им с сыном тоже в Юровку.

– А вы кто такая? – В голосе Ирины Сергеевны слышались металлические нотки.

– Я?.. – Елена на секунду замешкалась: больно уж строго смотрела на нее начальница. – Я учительница. Мы с сыном из Москвы.

– Учительница? – Голос Ирины Сергеевны мгновенно потеплел, взгляд стал приветливым. – Дорогая моя, учителя теперь на вес золота! Я, кстати, директор детского дома. Дюжева моя фамилия.

Елена, глядя на нее, подумала о том, насколько фамилия директора соответствует и ее работе, и внешнему виду: женщина была осанистая, крепкая.

– Будем знакомы. Меня зовут Елена Константиновна Елисеева.

– А где ваш сын?

– На вокзале, с вещами.

– Так! – Дюжева обернулась к вознице: – Евгений, давай-ка быстро, помоги гражданочке принести вещи.

Возница с Еленой пошли в сторону вокзала.

Наконец двинулись в путь. Елена с Пашкой и директор

детского дома ехали в санях, замыкающих обоз. С ними – пять ребятишек, совсем маленьких.

– Мы надеялись, что наш детский дом поселят в каком-нибудь городе, – начала разговор Дюжева. – Если не в Свердловске, то хотя бы в Шадринске или в Далматове. Дети ведь городские. Хоть Лебедянь, конечно, город небольшой. – Она поправила сбившийся набок платок. – Поздно приехали. В школах и в Шадринске, и в Далматове уже в три смены учатся.

– Я вас понимаю, – вздохнула Елена. – Конечно, в Юровке вам придется трудно. Ни канализации, ни водопровода, ни электричества.

– Ну этим нас не напугаешь! – улыбнулась Дюжева. – В Лебедяни тоже все удобства были во дворе. И электричество часто отключали.

– Но есть и свои плюсы, – продолжила разговор Елена, – школа двухэтажная, классы просторные. Лес. Речка есть, два озера. А люди там прекрасные, отзывчивые. Не обидят... Все друг с другом здороваются.

– У нас в Лебедяни тоже все со всеми здоровались. Пришлых сразу видно.

– Юровка – село большое. Народу тысячи полторы до войны было, – рассказывала Елена. – Сейчас, конечно, меньше. Мужчин мобилизовали.

– Нам сейчас хоть где-нибудь остановиться. Дорога вымотала ужасно. – Дюжева тяжело вздохнула.

– Ну еще бы! Столько детей! – посочувствовала ей Елисеева.

– Всю дорогу малыши плакали, маму звали. И холод терпели, и досыта не ели. Какой там досыта!.. – Она махнула рукой. – Хорошо, никто по дороге не помер: врач хорошая у нас, Ольга Васильевна. Но больных привезли, почитай, половину. Воспитательницы мои умнички – совсем девочки еще, большинству по семнадцать-восемнадцать лет, а справились.

Елена, увлекшаяся разговором с Ириной Сергеевной, не сразу заметила, что Пашка позади нее лежит на сене ничком.

– Паша! Паша, ты слышишь меня? – попыталась она растолкать сына. Тот не отзывался.

Елена перевернула его на спину – он крепко спал. Дышал глубоко и ровно. Кашель и хныканье детишек, которые ехали в санях, не мешали ему, а скрип полозьев, их плавный ход по глубокому снегу и легкое покачивание убаюкивали.

Елена приникла губами ко лбу сына – жара не было. Видимо, когда нужно было следить на вокзале за вещами, мальчишка держался, а чуть расслабился – и усталость взяла верх.

За два часа, пока ехали в Юровку, он так и не проснулся.

* * *

В первые полгода войны в Курганскую область прибыли около 30 тысяч детей. Всего в Зауралье

в военные годы работали 176 детских домов и интернатов.

13 декабря 1941 года на станцию Далматово из детского дома города Лебедяни прибыли 70 человек (56 детей в возрасте от 2 до 15 лет и 14 сопровождающих). Их распределили в село Юровка.

Часть вторая. Первая зима. Хлеб из лебеды

*Голодный год, пустые закрома,
На ветхой книжке штамп библиотечный...
А первая военная зима
Казалась необъятной, бесконечной.*

*Тяжелый год: то горе, то беда,
Пожаров дым, траншеи да воронки,
Пустые щи, и в хлебе лебеда,
И на казенных бланках похоронки.*

1

Когда обоз с детьми приехал в Юоровку, уже смеркалось. Из-за туч выглянул молодой месяц. Было очень тихо. Только в разных концах села лаяли собаки. Приятно пахло печным дымом.

Подводы остановились около клуба, куда решено было поместить лебедянский детдом. После того как всех детей отвели в помещение и вынесли из саней вещи, Елена попросила отвезти их с сыном на окраину села, на Заозёрный переулок. Там было всего несколько домов.

Пашка проснулся только тогда, когда сани подъехали к дому. Дед Иван выскочил из избы, обнял внука и невестку. Пес Трезор, узнавший Елену и Пашку, дружелюбно вилял хвостом и заливисто лаял, пытаясь встать на задние лапы и лизнуть мальчишку прямо в губы.

2

– А Надя-то где? – Это был первый после приветствий и объятий вопрос бабушки Глаши, когда Елена с Пашкой вошли в дом.

– В Москве осталась.

– Как – в Москве? Пошто ж ты ее одну оставила?..

– Потом расскажу, – прервала расспросы Елена.

– Ну дела – как сажа бела!.. Господи, какой худющий! Кожа да кости! – причитала Глафира Сергеевна, оглядывая внука со всех сторон. – И осунулся-то как! Да и ты – посмотри на себя – вся прозрачная стала.

– Ничего, были бы кости, а мясо нарастет, – пыталась отшучиваться Елена.

Она зачерпнула из кадки кружку воды, стала с жадностью пить. Затем устало присела на лавку.

– Нет ли писем от Николая?

– Как не быть? Есть. С месяц назад письмо пришло. И еще одно какое-то. Из Москвы. – Глафира Сергеевна повернулась к мужу: – Ваня, где письма? Ты их прятал.

Иван Иванович, только что вернувшийся с улицы (он принес охапку дров и свалил их у печки, снег с валенок смёл веником в сених), достал из шкафа солдатский треугольник. Елена села за стол, торопливо развернула письмо от мужа, стала читать его.

– Слава богу, жив! – Она положила листок на стол. – Только не пишет, где воюет.

– А этого им писать не велено. Город Энск – и всё тут, – вступил в разговор Иван Иванович. – Дело известное. Военная тайна.

– Да знаю я... – Елена вернула письмо свекру. – И все-таки.

– И вот еще письмо. На твое имя. – Свекровь протянула

конверт с московским штемпелем.

– От Нади?

– Не похоже. Другой почерк.

Елена распечатала конверт, стала читать:

«Здравствуйте, Елена Константиновна!

Пишет Вам Наталья, подруга вашей дочери Нади. Наверное, когда придет это письмо, Вы уже будете в Юровке.

У нас всё хорошо. Надя устроилась на работу в швейную мастерскую, получает рабочие карточки. Она молодчина, держится. Всё успевает. И сама работает, и мне помогает управляться с детьми. Что бы я без нее делала? С ее помощью мне удалось найти сыновей: Васю и Валерика. Так получилось, что, когда на вокзале садилась в поезд, я передала какой-то старушке Валерика, посадила в вагон Васю, а поезд тронулся.

Я побежала за вагоном, но так и не смогла в него вскочить. Спасибо добрым людям, что догадались – ссадили детей, пока он от Москвы еще недалеко уехал. А так пропали бы мои мальчики.

Пишу вам в свободную минутку. У Нади таких минуток мало.

Когда сможет, обязательно Вам напишет.

Не беспокойтесь о ней! Она справится. И я ей, чем смогу, помогу.

С уважением Наталья Синицына».

Елена отложила письмо, задумалась. Потом сунула его об-

ратно в конверт. «Вот как складывается жизнь... – размышляла она. – Как все переплетено». – И села писать мужу на фронт.

Пашка этим же вечером тоже написал письмо отцу.

3

– Всё, Глаша! Закончилась наша с тобой спокойная жизнь. Хотя какой там был покой. – Дед Иван махнул рукой.

– Это ты про что, Ваня?

– Как про что? Про детдомовцев.

– Лена, вы ведь с ними ехали вместе. Что скажешь?

– Детский коллектив – это всегда проблемы. А если дети без родителей, то масса проблем. Но когда в сани садились, я заметила, как старшие помогали воспитательницам. Всё делали быстро и организованно. И директор у них – женщина толковая и опытная, мы с ней в одних санях ехали. Так что, думаю, все не так уж страшно.

– Всяко люди бают, а голод не тетка! – проронил загадочную фразу Иван Иванович. – Поживем – увидим. Повидал я на своем веку детдомовцев – на ходу подметки режут. Один на атасе стоит, чтобы не застучали, – трое тащат, что плохо лежит. Тоже всё делают быстро и организованно.

Помолчали. Каждый думал о своем.

– От кого письмо-то второе? – вдруг спохватилась бабушка Глаша.

– От Нади весточка. Пишут, всё у нее нормально. – Елена старалась быть предельно краткой.

– Ну и слава богу! – Глафира Сергеевна перекрестилась на красный угол избы, где раньше у них висела божница⁸. Она быстро, чтобы муж не заметил, вытерла глаза уголком платка.

– Ладно, хватит сырость разводить! – Дед Иван с молодости терпеть не мог женских слез. – Я, как знал, баньку сегодня истопил. Суббота все же! Собери, Глаша, нам с Пашкой, что надеть после бани. А потом вы с Леной попаритесь. Заодно и одежду вашу, в которой ехали, «прожарим».

4

После бани сели ужинать. Глафира Сергеевна наварила картошки в мундире, поставила на стол тарелку с солеными груздями и волнушками, ароматными и хрустящими. И таким вкусным все это показалось Пашке!

Деревенская картошка с конопляным маслом и солью не шла ни в какое сравнение с той, подгнившей, почерневшей, недоваренной, которую они ели в дороге.

– Ясное дело, со своего огорода картошечка! Одна к одной! – похвастался дед.

Он уже вскипятил самовар. Заварили чай из смородино-

⁸ Божница – полка или киот с иконами.

вых листьев.

– Как же у вас тут хорошо! Прямо душой отдыхаю! – расчувствовалась Елена. – Всю дорогу на нервах. Ни одной минуты спокойной.

Пашка молча налегал на ужин. Дед Иван и баба Глаша не могли нарадоваться на внука.

– Очень вкусно! Спасибо! – Мальчишка вытер губы тыльной стороной ладони.

– Утром яичко выпьешь. Тепленькое, из-под курочки, – пообещала баба Глаша.

– Так тихо у вас тут... Отвыкли мы от тишины, – вдруг сказала Елена. – Будто и нет войны.

Дед с бабкой переглянулись. Глафира Сергеевна вздохнула, но не стала возражать невестке.

– Поели? Пора и на боковую! Поздно уже. Глаше рано утром в телятник, да и керосина в лампе на доньшке, ишь чадит! – Дед прикрутил фитилек. – Того и гляди погаснет.

И у меня дел по горло. Вся конюшня, считай, на мне. Был помощник, да его на фронт отправили. Так что теперь за лошадами приглядывать и убирать в стойлах – всё я. Еще и быка приписали. Бонапартом зовут. И мерин есть. Кутузовым кличут.

5

А Пашка блаженно засыпал в своей постели в горнице.

Елисеевы жили в доме-пятистенке⁹. В нем было две комнаты: горница и жилая изба с большой русской печью.

Запахи и звуки в доме, знакомые Паше с раннего детства, убаюкивали его. Убаюкивало всё: и чистая простыня, и мягкая, уютная подушка, и пучки сушеной мяты, зверобоя и шалфея, висевшие в комнате под потолком. К тому же дед Иван от души попарил и отхлестал его в баньке березовым веником. Он был великий мастер этого дела.

«Как же здесь хорошо!» – это было последнее, о чем подумал Пашка, засыпая.

Ему приснилась их теплушка.

Он сидит на нарах вместе с Любой и Мишкой. Потрескивают дрова в буржуйке. Мишкина мама что-то напевает маленькому сыну, спящему у нее на руках. Рядом с Пашкой сидит Надя и рассматривает его рисунки, переворачивая страницы альбома.

«Ты, оказывается, хорошо рисуешь! Вот не знала!» – говорит Надя.

«А как ты здесь оказалась? Ты же осталась в Москве!» – удивляется и одновременно радуется ее появлению Пашка.

Надя прикладывает палец к губам, кивает куда-то позади себя и шепчет: «Только маме не говори, что я здесь! Она спит. Проснется – вот обрадуется...»

⁹ Пятистенок – деревенский дом, разделенный на жилую избу и горницу толстой бревенчатой стеной.

На следующий день в гости к Пашке пришел его друг Кольша Первушин.

– Здорово, Пашка! – Кольша крепко, по-мужски, стиснул руку друга. – Ребята наши привет тебе передают. Они на горке катаются.

– Спасибо! А я думал, что вы сейчас все в школе.

– Так сегодня воскресенье! Какие уроки? – удивился Кольша. – Тятка-то твой как, воюет?

– Добровольцем ушел. Броня¹⁰ у него была, а он отказался.

– И правильно! Молодец! И мой воюет. Еще в июле пошел фашистов бить. Три письма уже прислал.

Кольша почесал затылок, взъерошил свою и без того буйную шевелюру и, почему-то придвинувшись к Пашке поближе, понизил голос почти до шепота:

– Слушай, Паш, ты с детдомовскими вместе в поезде ехал. Что за ребята? Наши бают: бандиты.

– Не было у нас в поезде никаких детдомовцев!

– Вы же вместе с ними в обозе приехали.

– Не помню я!

– Память, что ли, отшибло? – удивился Кольша.

– Как на вокзале в Далматове сидел – помню. А дальше

¹⁰ Броня (бронь) (разг.) – открепление от службы в армии в связи с особой востребованностью профессии.

все – темнота. Спал я.

Кольша полез в карман.

– Посмотри, что я принес!

Он протянул другу зоску¹¹. Пашка схватил ее и поднес к носу – понюхать:

– Ух ты!

Пашка уловил знакомый с раннего детства запах овечьей шерсти.

– Это мы с тяткой вместе делали перед самой войной. Свинец я сам плавил. Портки себе еще прожег. – Первушин показал заплатку чуть выше колена. – Вот... видишь? Мамка их зашила, а тятка меня за портки ремнем угостил.

– Ну все, держись, Кольша! Теперь я тебя точно в зоску обыграю!

– Это мы еще посмотрим!

– А у меня вот что есть! – Елисеев вынул из-под подушки зажигалку.

– Настоящая? – Кольша с восхищением смотрел на вещь.

– А то какая же! Только бензин кончился.

– Дай подержать! – Мальчишка покрутил зажигалку в руках. – У кого сменял?

¹¹ Зоска – свинцовая пластина величиной со спичечный коробок, с тыльной стороны которой прикреплен кусочек меха. Играющий подбрасывает зоску. Когда она под тяжестью свинца падает вниз, он подбивает ее ногой кверху. Победу одерживает тот, кто сможет сделать больше ударов по зоске, не давая ей упасть на землю; это требует большого навыка и ловкости.

– Подарок! Дед, с которым мы ехали в теплушке, подарил.

Первущин зачарованно смотрел на зажигалку. Покрутил колесико, высек искру. С сожалением вернул вещьцу Пашке.

В горницу заглянул дед Иван.

– Ишь ты – из гильзы научились делать! Вещь хорошая.

Это тебе не кремнем огонь добывать, когда спичек нет.

– Только бензин закончился.

– Буду в Далматове, попробую раздобыть. Тут и надо-то всего ничего.

– А пойдем сыграем в зоску! – предложил Пашка другу после ухода деда.

– Да какая сейчас игра! Холодно и снега по пузо. Потеряем.

Но москвичу так хотелось испытать свою ловкость, что Кольша вынужден был согласиться.

День был морозный, солнечный. Выйдя на улицу, Пашка на мгновение даже ослеп от сверкания снежных громад.

Трезор, увидев хозяина, с радостным лаем бросился к нему. Мальчишка, наклонившись к псу, погладил его, а тот лизнул его руку и стоял, виляя хвостом.

– Какой у вас снег белый! – Пашка с радостным изумлением смотрел вокруг. – Я и забыл, что он такой бывает.

– А какой же еще?! – удивился Кольша.

– Ты бы видел снег вдоль железной дороги. Грязный, серый. И вонючий. – Елисеев зачерпнул пригоршню снега и подбросил ее вверх. Смотрел, как снежинки переливаются

на солнце.

Но из этой затеи – поиграть в зоску – ничего путного не вышло. Стоило Пашке пару раз подбросить пластину ногой, обутой в валенок, – она сразу же улетела в сугроб.

– Я тебе говорил! – Кольша укоризненно посмотрел на друга. – «Пойдем поиграем! Пойдем поиграем!» Давай теперь доставай!

Пришлось лезть в высоченный сугроб – искать зоску, а потом вытряхивать снег из валенок под шуточки приятеля. Пашке очень хотелось ответить Кольше, сказать что-нибудь эдакое, но он понимал, что кругом неправ. Поэтому терпел.

Кольша решил разрядить обстановку:

– Я свои салазки на горке оставил. На них сейчас Ваньша Бояков катается. Айда туда!

– Айда! – обрадовался Пашка. – Трезор, пошли с нами!

Пса не нужно было долго уговаривать. Он, то немного отставая от ребят, то обгоняя их, побежал к горке.

7

Излюбленным местом, где ребята из Юровки издавна катались на санках, салазках и прочих нехитрых приспособлениях, были берега реки Крутишки. Когда Пашка с Кольшей и Трезором пришли на горку, веселье там было в полном разгаре. Ваньша Бояков, Пашкин приятель, подбежал к ним сразу же, погладил Трезора.

– Привет, Пашка! Молодец, что приехал! – И протянул ему веревку от салазок. – Всё, я домой. Мамке на ферму идти, а мне с малыши нянчиться.

Мальчишки сели на салазки – и только ветер засвистел в ушах, зашипели полозья, снег поднялся столбом. Пес, залившись лая, бежал рядом.

– Что, здорово, Пашка?! – Кольша обернулся к приятелю после того, как они остановились внизу, на льду Крутишки.

– Зыко¹²! Айда еще!

Пока Елисеев тащил салазки наверх, он успел разглядеть, из чего сделаны санки у других ребят: почти все – самодельные.

Несколько мальчишек катались с ледяной горки на ногах. Этим смельчаков на горке было двое-трое. Но поразил Пашку Васёк, мальчишка лет десяти: он съезжал на каком-то ледяном блине – то на пузе, то сидя на нем.

Васёк на самом деле развивал на горке невероятную скорость. На своей нехитрой ледянке он улетал к противоположному берегу Крутишки и только там останавливался.

Заметив Пашку, к ним подошел Гриньша Овсянников, пятнадцатилетний парень, местный заводила.

– Кого я вижу, и москвич здесь! – Гриньша дружелюбно похлопал Пашку по плечу. – А сеструха-то твоя где?

– В Москве она. На работу устроилась.

– Как там Москва? Говорят, бомбят?

¹² Зыко (молодежи.) – здорово, классно.

– Бомбят... – вздохнул Елисеев. – В подвалах и в бомбоубежищах люди прячутся. Зажигательные бомбы на крыши домов фрицы с самолетов кидают, сирена почти каждую ночь воеет: «Граждане, воздушная тревога!»

Ребята побросали санки, со всех сторон обступили Пашку.

– А ты сам видел, как бомбят? Наверное, страшно? – спросил Елисеева Васёк.

– Еще бы! Идешь из бомбоубежища и видишь разрушенные дома. Обои разноцветные на стенах висят, двери открываются и закрываются, даже слышно, как скрипят и хлопают, а половину дома как ножом срезало.

8

Елена убиралась в горнице, когда услышала пронзительный женский крик, доносившийся с улицы. Она выглянула в окошко: голосила соседка. Сбежавшиеся из ближайших домов бабы отвели ее в дом к перепуганным детям.

– Что это она? – Елена повернулась к свекрови.

– Похоронка проклятая. У Евдокии у этой четверо мальчишек. Как теперь их рóстить, поднимать без отца? – Баба Глаша вздохнула. – Недели две назад Дарье Локшиной пришла. Она десять дней молчала. Ни словечка. Как окаменела. Шутка ли! С тремя детьми мал мала меньше осталась. Младшенькая за полгода до войны родилась. – Глафира Сергеев-

на промокнула глаза платком. – А в ноябре Лукерье, что рядом с клубом живет, принесли похоронку. Они с мужем, Василием, только в мае свадьбу сыграли. Бедная почтальонша наша Клавдия Ниловна! По штампу казенному сразу понимает, *что* это за письмо. А ничего не поделаешь...

– Да, работка у нее! Будто это она виновата, что мужиков на войне убивают! – вздохнула Елена.

9

– Нет-нет, Елена Константиновна! Даже не уговаривайте! Пашка с мамой сидели в кабинете директора школы Матвея Семёновича Костюхина. Он был в полном смысле слова человеком непреклонным. Если уж что задумал, от своего решения не отступался. Хотя ему недавно исполнилось шестьдесят пять лет, выглядел он гораздо моложе. Учителем математики Костюхин был строгим, но справедливым. Да и директором стал таким же. В школе его уважали и побаивались, за глаза называли Басальгой¹³. Прозвище это накрепко прикипело к нему много лет назад. Трудно сказать почему: то ли Матвей Семёнович был твердым, как кость, то ли для многих хулиганистых подростков он давно и прочно стал костью в горле. А может, виной тому была его фамилия.

На лбу у него был глубокий шрам – след от сабельно-

¹³ Басальга (урал.) – кость.

го ранения, полученного им в марте 1919 года в бою под Уральском. Воевал он в составе легендарной 25-й стрелковой дивизии под командованием Василия Ивановича Чапаева. Любимой его присказкой была такая: «Гулял по Уралу Чапаев-герой.»¹⁴ Когда он бывал в хорошем настроении, мурлыкал себе под нос мотивчик этой песни. По школе всегда ходил в солдатской гимнастерке и галифе. Орден Красного Знамени, полученный незадолго до ранения из рук самого Чапаева, не снимал никогда. Воевал он много лет – еще с империалистической. Был несколько раз тяжело ранен.

– Павел будет учиться с ребятами из детдома. Это мое окончательное решение, – тоном, не терпящим возражений, заявил директор.

Пашка, который пришел с матерью, хотел было что-то возразить, даже рот уже открыл, но Елена толкнула его в бок: дескать, помолчи!

– Ну как же так? Он же знает местных ребят, со многими дружит. Ему будет комфортнее учиться с детьми из Юровки.

– Первые полгода шестого¹⁵ класса Павел пропустил. Понимаю: не по своей вине. Но все же пропустил. А о комфорте, уважаемая Елена Константиновна, на долгое время нам всем придется забыть.

– Он нагонит, обещаю вам! Я сама буду с ним заниматься. – Пашкина мама старалась говорить как можно убедительно.

¹⁴ «Гулял по Уралу Чапаев-герой.» – песня, написанная в 1919 году.

¹⁵ В то время в первый класс принимали детей с восьми лет.

тельнее.

– Я в Москве занимался по учебникам шестого класса. Мама мне приносила.

– Занимался, говоришь? Скажи мне, как разделить дробь на дробь?

– Числитель первой дроби умножить на знаменатель второй, а знаменатель первой – на числитель второй, – без особых раздумий ответил Елисеев.

– Правильно.

Мальчишка заметно приободрился. Директор задумался.

– А теперь найди, пожалуйста, три процента от числа пятьсот двадцать.

Пашка растерянно взглянул на мать. Та отвела глаза.

– Ясно. Проценты вы с мамой еще не проходили. – Костюхин повернулся к Елене: – Вам, голубушка, предстоит работать в школе в две смены – с местными ребятами и детьми из детского дома. Преподавать, кроме немецкого языка, русский и литературу. Словесника у нас в школе нет уже больше месяца.

– А где же Клавдия Петровна?

– Умерла.

Елена тяжело вздохнула.

– Так что вам придется нагонять. И немецкого языка у нас уже полгода нет, – продолжил Матвей Семёнович. – До войны сюда раз в неделю из Уксянки Клара Генриховна приезжала. Теперь не на чем стало возить ее. Кроме «шпрехен зи

дойч?»¹⁶, «гутен морген»¹⁷ и «хенде хох»¹⁸ наши балбесы, думаю, вряд ли что помнят. Так что времени заниматься всеми предметами школьной программы с сыном у вас не будет.

– Может, он возьмет учебники и дома нагонит в каникулы?

– А вот учебников у нас на всех нет. Как и много другого, в том числе и тетрадей. Обещали прислать, но... когда еще дождемся?

– Этого я не знала. – Елена заметно расстроилась.

– Дети из лебедянского детского дома так же, как и ваш сын, первое полугодие пропустили. Вот пусть вместе с ними и учится. Будет в ускоренном темпе проходить все предметы. Сразу после зимних каникул милости просим.

Елисеева, однако, не спешила покидать кабинет директора.

– Что-то еще? – Костюхин посмотрел на учительницу.

– Хочу вас предупредить: я никогда не преподавала русский язык и литературу. Тем более без учебников.

– Я тоже много чего раньше не делал. Но вот приходится. И завхозом работать, и агентом по снабжению, и военным делом с учениками заниматься: маршировать, стрелять, винтовку собирать и разбирать, гранату бросать. – И скоро-

¹⁶ «Шпрехен зи дойч?» (Sprechen sie deutsch?) – Говорите ли вы по-немецки? (нем.)

¹⁷ «Гутен морген» (Guten Morgen) – Доброе утро (нем.).

¹⁸ «Хенде хох» (Hände hoch) – Руки вверх (нем.).

говоркой добавил: – «Гулял по Уралу Чапаев-герой».

– Честно скажу, к этому я не была готова.

– Ничего. Справитесь. Оформляйтесь. Пообщайтесь с нашим завучем, Зинаидой Петровной. Она человек толковый и опытный. Вы наверняка с ней знакомы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.